

АЛЕКСАНДРА МИХНЕВИЧ

СКВОЗЬ ВОДУ

Александра Михневич

Сквозь воду

«Издательские решения»

Михневич А.

Сквозь воду / А. Михневич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500572-4

Литературное произведение, написанное петербургской писательницей Александрой Михневич. Сюжеты для произведений писательница берет из жизни.

ISBN 978-5-00-500572-4

© Михневич А.
© Издательские решения

Содержание

Когда горят твои корабли	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сквозь воду

Александра Михневич

© Александра Михневич, 2019

ISBN 978-5-0050-0572-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда горят твои корабли

Всё, что общеизвестно – неверно.

Оскар Уайльд

Яна стояла на берегу пруда на Елагине острове и смотрела на воду цвета хаки.

На гладкой воде плыли утки.

Обычные, серовато-рябые – утки; серо-коричневые с зелёной головой – парни уток: селезни, их головы на солнце отливали изумрудом, а когда селезни скользили в тень нависающих веток – головы становились малахитовыми. Яна невольно залюбовалась – и тут же отогнала эту смутную добродушную мысль: нет уж!

Горевать – так горевать!
И спалить все мосты!!
И все свои флотилии – напалмом!!!
И нет дороги назад...

Не нужна – так не нужна!
Никому!!
Ну и не надо!!!

С готовностью лёгких фонтанчиков на глазах нависли слёзы. Но пустить их в ход не удалось: мимо по песчаной дорожке шёл прохожий, и Яна гордо удержала слёзы втуне.

Отломила ещё кусочек засохшего миндального печенья и бросила уткам. Кто-то из них поймал; помотив клювом, сполоснул в воде на всякий случай, и затем уж проглотил.

Вот удода, – подумала Яна про магазин, где двадцать минут назад купила три большущих миндальных печенья в магазинной упаковке, – а печеньки оказались засушенными. И магазин же – посреди Крестовского острова, не где-нибудь, и дата расфасовки – наисвежайшая.

И следующий кусочек, побольше, отправила себе в рот.

У некоторых птиц по крыльям шла двойная яркая полоска – синяя с белым, как лампас; спортсмены, что ли, – горько подумала Яна.

И тяжело вздохнула.

И пошла в кино – здесь рядом: через мост с Елагина острова на материк, т. е. Старую Деревню, потом под проспектом по подземному переходу – и вот уже торгово-развлекательный центр.

В кино – пустой зал, и даже никто не шуршит и не хрустит – некому.

Ну, ещё бы: понедельник, утро, весна. Надменная девушка за компьютером молча продала билет.

А Яна – смотрела на экран, то раскрыв рот, то глотая слёзы: о своём, о девичьем.

Эффектно, конечно... Но как-то слишком жестоко.

Да и вообще – чего им надо? Всё что-то делят-воюют, убивают друг друга, руки-ноги, муляжи, ясное дело, и малиновый сироп, но всё равно неприятно. Брр и фу...

И эта жуткая женщина – всё чего-то домогается его, а он её ни во что не ставит; ну, так и отстала бы уже от парня... А женщина реально жуткая, кто ж такую захочет.

...Кругом скалы, мрачные и неприступные, а внутри – море.
А на море – корабли.
Огромный флот персов – и небольшая флотилия греков.
300 спартанцев, зажатые в страшные тиски.
Скалы, враги...
И – огонь!

Горящее море.
Горящие корабли.
Горящая душа!..

Яна не успела разрыдаться – ещё бы миг, а в отблесках и грохоте кинозала никто и не увидит, да и видеть некому...

В кармане куртки заиграл смартфон.

Увидела надпись и номер на экранчике: ага! Спыхватились...

А сердечко аж подпрыгнуло радостно!

Вышла из зала, думая по пути: если звонок прекратится – вот возьму и не перезвоню!

Но звонок не прекращался, она успела ответить.

– Ты где? – строго-добродушно-спокойно спросили в трубку.

Она шмыгнула носом: – В кино.

– Хорошо, молодец, – похвалили там.

И дружелюбно уточнили: – А к поступлению ты готовишься?

– Угу, – буркнула она.

И прерывисто вздохнула.

– Всё так же пока в колледже у себя живёшь?

– Да, – соврала она.

– Ну, хорошо, – зная правду, вздохнули на том конце: – Но ты звони, хорошо.

– Да, конечно. Спасибо.

– погоди, так ты, что, опять тренироваться начала?

– Нет.

– Ну, давай, тогда пока, а то мне вот тут уже опять звонят. Хорошо? Созвонимся, – сказали ей, но всё же отключаться не спешили...

Она выждала десять секунд – и первой нажала на красный кружок на экранчике.

Если там сказали, что звонят – значит, правда, звонят, и к тому же у них куча дел, как всегда. Великие Дела.

Сунула смартфон обратно в карман.

Сквозь огромный витраж окна торгово-развлекательного центра сочилось солнце.

Яна почувствовала, что успокаивается.

Это хорошо, конечно, когда родственники великие психологи...

И, вообще, конечно, хорошие, и ещё какие, – почтительно и благодарно подумала она; в душу тихонько вливалась нежность...

И тут же спохватилась: а как же демарш?
И – общая концепция «никому не нужна»?..

Решила вернуться в тёмный зал, досмотреть мрачную киношку.
Села посреди пустого ряда, на выбор. И снова воззрилась на экран.
На экране главный герой как раз в этот миг категорически отказался – тоже в жёсткой манере – от дальнейшего общения со злобной тётенькой. И исчез.
– Ну, то-то, – удовлетворённо подумала Яна, – конечно, злобная фурия плоха во всём, во всех смыслах и отношениях.

В кармане снова зазвонило. Опять родственник, другой, и тоже солидный.

И после этого разговора тоже полегчало.
Постояла недалеко от входа в кинозал – но всё же вернулась в грохот и темноту.
Едва воссела посреди другого свободного ряда, на выбор, на экран стали наползать титры.
Облегчённо выдохнула и потопала на выход.

Позвонила брату; тот позвонил капитану и своим друзьям, она их тоже знает, хорошие люди. Капитана попросили: пусть, мол, она поживёт на яхте, никому не мешает, там же всё равно никого нет. А ей – надо.

– Ну, хорошо, пусть поживёт, конечно, – согласился кэп: – Но только яхта сейчас в другом яхт-клубе, отдалённом.

А тот клуб – ну такой крутой, самый крутой в городе, и англоманский. И, насколько помнит экипаж, им даже ремонтироваться там не дали: мол, это же не есть прилично. Типа, идите ремонтируйтесь за деньги, на верфи. А у нас тут солидный клуб.

То есть, использовать яхту за деньги – возить хоть кого ни попадя, и даже любые вечеринки там устраивать, вплоть до неприличных – т.е. зарабатывать яхтой – это, значит, комильфо.

А бесплатно любить море и своими руками ремонтировать университетскую студенческую яхту – ибо откуда у старой учебной яхты деньги – и забесплатно катать людей и детей по воскресеньям – это ноу комильфо.

Ну да, ну да, – фыркнула ещё тогда Яна, узнав об этом.

И пока яхта стоит в том клубе, жить ей там – и шастать туда-сюда по территории – никто не даст, – объяснил кэп.

И добавил, таким же строгим и размеренным тоном, что через месяц планирует перегнать яхту в родную «Неву» на Крестовский остров.

Тогда пусть приходит.

А пока – яхта законсервирована. Чтобы её раздеть, нужен экипаж и несколько дней работы. Чтобы перегнать, нужны два-три матроса и ещё день, скорее всего воскресенье. Сейчас уже все начали к сессии готовиться и к выпускным экзаменам. И как раз штормит – вон, ветра какие, весенние. А в Финском вообще такое творится.

И по ночам ещё заморозки. Она просто замёрзнет – на учебной яхте печки нет. Это просто большая железная лодка на пока ещё ледяной воде. Так что пусть подумает.

В любом случае, надо ждать месяц.

А пока что – подсказали парни – там, в «Неве», есть несколько лодок, на которых живут. Есть даже такие, где владельцы зимуют. Ну, а что. Что тут такого.

Домик как домик. Только на воде. И условия, конечно, очень специфические, и не то что бы очень комфортные...

Но, если кого заела реальность – например, сварливая жена с виртуальной пилой – те перемещаются ближе к морю.

И определили Яну на большущую лодку с очень обязывающим названием – «Князь Гагарин», но больше похожую на подводную.

Объяснили: это самый подходящий вариант пока. Даже единственный: остальные две-три такие яхтсменские зимовки – заняты их владельцами-пенсионерами, они там и живут, по одному, и это даже не рассматривается.

А на «Князе Гагарине» – двое: мужчина и девушка – но она совсем как пацан: юбки презирает как класс, жилистая, худощавая, резкая, шустрая и холодоустойчивая – идеальный матрос. И мужчине – владельцу лодки – помогали соседи по яхт-клубу её делать; и там как-то наш товарищ одно лето жил, тоже помогал.

К тому же они всем рассказывают, что обожают гостей – даже внутри так всё устроено, чтобы народу как можно больше за столом умещалось. И всегда говорят, что готовы помочь, всем и каждому.

Снабдили Яну чьим-то спальником в цветочек и уже впотьмах под хлесткими порывами мокрого ветра отвели на лодку.

Хозяева – Пётр пятидесяти лет и Зоя лет двадцати пяти – радушно улыбались и предложили и ей с ними на «ты», свои же люди, почти уже, и Пётр сказал, что он Петя.

Яна была уже так измучена треволнениями, что преисполнилась искренней и горячей благодарностью, правда, перейти на «ты» в ответ не смогла, это слишком.

Лодка укрыта синим тентом, для защиты от дождей и сильных весенних ветров.

С берега – почти в начале яхт-клуба, недалеко от поста охраны со шлагбаумом – нужно спуститься по склизкой тропинке в прошлогодней траве, не грохнувшись в темноте среди торчащих из земли огромных корней деревьев, затем прошагать длинный бон до конца – не дав ветру сдуть себя в воду.

Здесь, с самого края, за отдельными торчащими там-сям лодками, не поднятыми на зиму на берег, возвышался «Князь...».

С бона нужно протиснуться в развязанную в одном месте шнуровку тента – и очутиться «дома».

Ну, а что такое – дом?

У кого-то – место, где его ждут...

А у кого-то – где ночь застала, там и дом.

С верхней палубы вниз – в салон – вела узенькая крутая лестничка: четыре железные ступеньки, почти как на стремянке.

Ну, в общем, редко где на кораблях бывают мраморные лестницы по два метра в ширину, с персидскими коврами и золотыми перилами, разве что на «Титанике».

Но уж лучше здесь.

В салоне (кубрик, камбуз и кают-компания – всё в одном) почти всё место занимал овальный стол.

По всему огромному столу – с десятков давно не мытых кружек разных мастей, стакан с чем-то давно и прочно засохшим, сахарница среди россыпи сахара, ножи и ложки там и сям, тоже, конечно, немытые, чайник из нержавейки со свистком, стопка мисок из нержавейки, куски батона, пачка чая, ноутбук, старый глянецовый журнал с оторванным углом обложки, зажигалки, и ещё чего-то.

С обеих сторон стола, повторяя очертания бортов, его обрамлял вдоль стены мягкий диванчик. В носу диван соединялся – расширялся и удлинялся во всё носовое пространство – и представлял собой вполне комфортное и обширное спальное место. Здесь ночевали хозяева.

Просто так стоять в салоне негде: нужно почти сразу у лестнички полусидя протискиваться между столом и диваном.

И стол – это, получается, и есть салон.

Когда ребята ушли, – отказавшись от чая и сославшись на ранний подъём, а до дому ещё добраться надо, – Яне показали её спальное место – на узком диванчике по левому борту, у самого входа: спать нужно головой к хозяйским ногам, почти впритык, а своими ногами – чуть не упираясь в лесенку, ведущую наверх.

Яна горячо поблагодарила и спросила разрешения присесть, не только от усталости, но и из-за низких потолков: она не могла выпрямиться, и так и стояла пригнувшись. Хозяева улыбнулись и спохватились: да-да, конечно.

Сами они чувствовали себя здесь вполне комфортно. Петя делал эту лодку под себя, с учётом своих параметров и удобств.

Они отужинали как раз перед её появлением, и теперь предложили ей тоже приготовить себе что-нибудь, вот двух-конфорочная газовая плитка, в баллоне ещё есть газ, можно вскипятить чай и что-нибудь быстренько поджарить.

Жарить ей было нечего, и вообще с собой ничего не было, и на предложенный чай – горячий! и с сахаром! и с батоном – она благодарно согласилась.

Она сидела у лесенки – у раскрытого входа, и мелко тряслась. На предложение «можешь снять куртку и пей чай» взялась за ручку кружки, а куртку снимать не стала.

Петя с Зоей переглянулись, посмотрели на неё.

– Ну, ладно, прикроем вход, – сказали они.

Петя неспешно полусидя обогнул стол по правому борту, закрыл две вертикальные створки наверху лестнички и задвинул квадратную горизонтальную створку.

И пояснил:

– Печка работает. На соларке. И мы немножко проветриваем. И вообще жарится.

Яна не стала возражать насчёт жары, лишь молча неопределённо кивнула.

Если сверху видишь люк – не пугайся, это глюк. Такие люки-задвижки и калитки-створки есть на всех кораблях. Для экономии места и надёжности закрытия.

А если нужно выйти или войти – сначала всегда со скрежетом отодвигают (или поднимают-откидывают, где как) створку-люк, который запирает створки калитки, а уж потом распахивают «калитку».

Яна допивала вторую кружку горячего сладкого чая с нарезным батонном, вцепившись обеими руками в нагретую чаем нержавейку.

И чувствовала, что оттаивает, согревается, успокаивается.

Глаза соловели, веки тяжелели. Страшно клонило в сон...

Пахло соляркой, несвежей постелью и крепким чаем, – наверное, так обычно и пахнет на кораблях.

Наверное, так и пахнет романтика...

– Ну, ладно, выключаем печку, – сказали хозяйева.

И сразу стало очень тихо. Все легли спать.

А в следующий миг стало слышно, как лодка ходит ходуном под ветром, привязанная к бону, и они – бон и лодка – вместе со старыми деревьями на берегу скрипят и скрежещут на все лады и на всю гавань; где-то ухало и свистело; временами грохотало и стучало.

Вдруг совсем рядом кто-то засвистал и затопал.

– Ой, это к вам, наверное, гости, – сквозь сон с трудом вымолвила Яна: вдруг они не слышат, там, у себя в носу...

– Это ветер. И волны захлёстывают на бон. Сегодня к нам никто не собирался, – уверенно отозвалась Зоя, – через неделю на шум даже внимания обращать не будешь.

Утром Яна с трудом вынырнула из сна. В иллюминаторы пробивалось солнце.

На рассвете она несколько раз просыпалась от холода.

Потом, наконец, додумалась вылезти из спальника и надеть куртку, опять забралась в ещё тёплое нутро спального мешка, стуча зубами и закупориваясь, и тут же снова провалилась в сон.

И теперь, по её личным ощущениям, было ещё ни свет, ни заря.

Зоя хозяйничала сбоку стола – здесь же, у входа, было что-то типа камбуза.

Яна вытянула из спальника руку, нащупала в складке диванчика свой смартфон – но доставать его было так бессильно... Собиралась с силами, чтобы посмотреть время.

Зоя повернулась, увидела, что гостя проснулась, и распорядилась:

– Ты уже проснулась. Мы будем завтракать.

Ты тоже будешь с нами завтракать.

На палубу пока не выходи, там Петя совершает туалет. Я заливаю мюсли йогуртом. Ты будешь чай или кофе.

Умыться можно водой из канистры, с палубы за борт.

Яна собралась с силами и поблагодарила, от всего отказалась и спросила, есть ли вода, просто выпить чашку.

Сонно прикидывала в уме, какой ближайший фаст-фуд открыт в столь ранний час. И пришла к выводу, что ближайшие – либо у метро «Петроградская», либо вообще у «Чёрной речки». На соседнем Елагине острове ничего такого нет. На острове Крестовском – тем более, здесь, вроде, только рестораны.

- Да, вода в канистре. – Зоя повернулась и властно сказала:
- Ты тоже будешь с нами завтракать. Мы тебя не отпустим, пока не поешь.

Яна молча вылезла из спальника и посмотрела наконец время: пол-одиннадцатого, ничего себе.

Согнувшись ещё ниже, уже приготовилась подняться по лесенке, но Зоя резко её остановила:

- Я ж тебе сказала, там Петя в туалете. Подожди.
- И, увидев её в куртке, окинула скептическим взглядом.

Яна, краснея, пролепетала:

- Я подумала, туалет – это, в смысле, марафет... Умывается он там...
- На горшке он там сидит. Точнее, над ведром.
- Да всё уже, – громко донеслось с палубы: – Можешь выходить.

Створки открылись, и над лестницей навис Петя:

– Моё ведро – голубое, его не надо брать, – хмуро объяснил он. – Можешь взять общее белое, пошарпанное. Потом сполоснёшь и за борт выльешь.

- Спасибо, – вежливо поблагодарила Яна.
- И пошла на берег, в деревянный туалет.

Немного постояла на берегу. Солнце-то какое! Яркое. А вчера такого не было.

Ветер, правда. Но – солнце же!!

Умылась речной водой, с бона, компактно сложившись на корточках – по принципу «воду видела, и ладно». И пошла обратно на лодку.

Петя с Зоей уже доедали свой завтрак.

– Давай, садись быстрее, а то мюсли уже размокли, – велела Зоя, не обращая внимания на вялые протесты гостя.

Отвертеться было невозможно, и Яна стойчески, но, конечно, благодарно заглотила раскисшие мюсли на завтрак.

Здесь же, на столе, Зоя мыла посуду: влила чуть-чуть водички в одну миску, поболтала, вылила это в другую, поболтала, и поднявшись по ступенькам, выглянула наверх и выплеснула за борт.

Оторвала клочок от рулона бумажных полотенец, вытерла одну миску, вторую, оставив разводы на нержавеющей, протёрла ложки и этим же клочком вытерла со стола.

Хозяева лодки выдали Яне инструкции.

Она может сидеть здесь целыми днями, в том числе и в их отсутствие.

Газом пользоваться осторожно – и Зоя показала, в какую сторону закрывать, а в какую открывать вентили на баллоне и плите.

Воду они привозят на велосипеде – набирают здесь же, в ста метрах, у вахты – сбоку от будки охранников есть вентиль на кране, оттуда льётся чистая вода, как из крана в обычных квартирах.

Воду там набирают все, сколько угодно.

Ей, понятно, не надо таскать 30-литровые канистры, это делает крепкий Петя. Поэтому воду она может наливать из канистры, пить, умываться, сколько нужно.

– Так а я с бона могу спокойно умываться, – радостно встряла Яна: – И посуду помыть тоже.

Но Зое почему-то инициатива не понравилась, и Яна умолкла.

Единственное – печку без них включать нежелательно. А то солярки много пожжётся.

Яна поблагодарила, и заверила, что и без печки уже большое спасибо. А печку она и так включать без них не собиралась – и не знает, как; да и солярка, конечно; да и самовольничать как-то совсем неправильно...

Зоя смягчилась и сказала, что они приедут поздно. Вот крупа, она может себе приготовить. И чай пить, и поесть. Да, и этот батон на столе уже надо уткам скормить.

Они уехали на велосипедах.

Яна постояла на боне и вернулась на лодку.

Села на свой край диванчика. Огляделась.

Вчера уже сил не было оглядываться, а сегодня утром – сил ещё не было.

Интересно, конечно...

Она сидела и неспешно крутила головой. Да, днём в полумраке лодочных внутренностей как-то всё выглядит не так.

Не так – как первым ненастным вечером – в незнакомом искусственном и романтично-тусклом свете светодиодных круглых светильников, двумя рядами вделанных в потолок...

Мягкое приглушённое свечение – смягчает лица, скрадывает углы, скрывает намерения... И – мрачным вечером, шагнув из ненастья в тепло, всё видишь иначе...

А утром или днём – всё выглядит совсем не так. Всё и все.

И воспринимается – по-другому...

А какое из восприятий правильное – наверное, жизнь покажет.

Яна почувствовала, что пришла в себя. Наверное, завтрак и крепкий чай сделали своё благотворное дело. Вот уж чего она никогда не забывала, так это как следует позавтракать. Надо бы пойти... Ладно, надо ещё срочно чашку чая выпить. Она же не сильно их обременит, если вскипятит на газе немного воды и стащит ещё пакетик чая и пару ложек сахара. Ну, и кусок батона тоже.

Не торопясь, жевала батон, запивала сладким чаем. Да, при солнечном свете всё совсем по-другому...

Прибралась на столе – на «камбузной» его части: вытерла рассыпанный сахар и крошки, помыла с бока все чашки и аккуратно составила их на этом краю стола, сложила оставшиеся разбросанные ломти батона в пакет. Раз три проверила – правильно ли выключила плитку и завернула газ на баллоне. Да, всё чётко.

Теперь можно идти.

Посмотрела время: так уже два часа.

Самое то пообедать, – засмеялась сама себе.

Поднялась на палубу, прикрыла за собой вход, как её научили, затем, уже стоя на боне, затянула потуже шнуровку синего тента. И пошла на берег.

Сквозь жухлую листву и прошлогоднюю траву там и сям пробивались нежно-зелёные травинки. Ого, а какие уже почки на деревьях!..

И солнце – такое задорное, яркое, молодое солнце! дерзкое и сильное.

Никому нет спуска – ни грязной слякоти, ни промозглому холоду, ни мраку, ни прошлогоднему снегу, ни жухлой старой листве.

Сквозь все препоны и преграды пробьёт себе дорогу нежный зелёный росток, свежий и чудесный, как наша земля-кормилица, как сама Весна, как весь этот мир, добрый и светлый.

И тут же – следом за этой сочной былинкой, маленьким и живым росточком – зазеленеет и зацветёт всё вокруг, вся земля покроется рощами и плодородными садами, наполнится бело-снежной пеной душистой черёмухи и целомудренным яблоневым цветом, сиреневым и розовым благоуханием, пением жаворонков, скворцов и дроздов, и соловьиными трелями...

В воздухе веяло весной!

Не ранней и робкой, неуверенной в своих силах и легко сдающейся под напором колючей зимы – нет.

Витало обещание Весны – настоящей, юной и свежей, прекрасной и полной жизни Весны – любимицы Солнца. Той весны, которую с такой надеждой ждут люди!

Всеми любимой – и нужной всем.

Обед в столовке на Большом проспекте обошёлся в триста рублей и удался на славу. Борщ, запечённая картошка с куриной котлетой, ватрушка и сладкий чай. Нехилые порции – на тарелках размером с Австрийскую площадь неподалёку; только ватрушка – поменьше, обычная...

О! Вот и синемаграф... Ну-ка, ну-ка, что у нас тут сейчас идёт...

Так. «Притяжение»... Ну, что, надо сходить.

Актёры, правда, ей пока не знакомы, и на супергероев – не то что бы очень похожи... на первый взгляд... Как бы не заскучать...

Из кино Яна вышла под большим впечатлением! Фильм, конечно – супер!! Кто бы что ни говорил! И в данный отрезок времени и жизни – вообще самое то!!!

Потому что – вот вам! – есть в нашей жизни, в нашем тысячелетии – настоящие мужчины! надёжные, романтичные; сильные-умные-добрые-порядочные и т. п.

Что-то хорошее, сильное и стабильное.

Пусть – инопланетное. Но ведь – вполне земное!

Не всех парней и принцев съел матриархат.

Слава Тебе, Господи!

Любовь есть, никуда никогда не денется! Потому что Любовь сильнее смерти.

Любовь – самый сильный магнит в мире! И половинки обязательно притянутся!

Яна вздохнула, глубоко-глубоко: а где её принц, когда уже они притянутся? А?

Посмотрела на солнце, клонившееся к раннему весеннему закату.

Постояла, подумала.

Решила, что стоянием здесь, посреди проспекта, вряд ли ускорит притяжение со своим Принцем. Зашла в магазин – купила батон, кусок «Российского» сыра в дырочку, чая в пакетиках, йогуртов в баночках и пачку овсяного печенья.

И пошла на лодку.

...Кажется, жизнь в яхт-клубе заканчивается на входе – сразу за шлагбаумом...

Ещё не успело совсем стемнеть, и на берег залива опустились серо-бурые сумерки. На заброшенный берег залива...

Самый заброшенный берег в этом мире.

Ещё с середины длинного-длинного бона Яна с ужасом увидела, что никакого «Князя...» здесь и в помине нет... Ой... А... Был же.

Ещё днём сегодня – был...

А теперь – нету.

Яна постояла, глядя перед собой на воду, сглотнула слюну. Вздохнула.

Обернулась в дикой растерянности...

И поняла, наконец, что просто ошиблась боном.

Надо было зайти на тот, что посередине, а она пошла на самый дальний в лагуне.

Уф... А вон – и лодка, под синим тентом... И иллюминаторы не светятся.

Значит, хозяева лодки ещё не вернулись. Но – зато лодка есть. Уже легче.

«Князь...» пришвартован не так, как обычно ставят в клубах яхты на прикол: к бону – кормой или носом.

«Князь...» вытянулся вдоль бона во весь свой длинный бок.

Но это потому, что ещё не сезон, других лодок совсем мало – их ещё просто не успели спустить на воду, и пока они на берегу, на зимовке.

И пока что рядом с «Князем...» покачиваются лишь два полицейских катера, да у соседних бонов – две-три лодки. А полисмены уже приходят иногда, готовят свои плав-средства к сезону.

В общем, ночлег есть, какой-никакой. Остальное – будет.

Ну, да, – неуверенно повторила она это вслух, стоя уже перед «Князем...»: вернулась на берег и зашла на нужный бон. – Только когда?..

И на ветру как-то холодно...

И снова поплелась на берег.

На берегу ветер был – или казался – поменьше.

Во всяком случае, можно спрятаться за какой-нибудь корабль...

Яна выбрала в качестве стены от ветра громадину поодаль: нечто неопределённое под огромным тентом. И это даже не тент – а баннер, наверное, самый огромный в мире.

Исполинских размеров старый баннер, накинутый сверху на большущий корабль или яхту и нависавший на оба борта; интересно, а накинул – тоже исполин?..

Старый, выцветший плакат – сколько лет он уже здесь, под дождями и ветрами, под солнцем и снегом...

Какая-то махровая реклама; интересно, каких дремучих годов...

Яна зашла с другой стороны: на неё смотрел огромный глаз.

В обрамлении чёрных ресниц.

Чёрный зрачок – и, кстати, видно, что весёлый.

Белок – со всеми натуральными прожилками.

А сам глаз – цвета морской волны... И почему-то не выцвел.

Яна зачем-то закряхтела, и рассмотрела глаз получше: интересно, а что он рекламировал? Такое глазище в полбаннера...

Да... Просто сюрреализм какой-то.

Забыв о ветре, Яна решила пройтись ещё.

Вдруг – ещё что интересного увидит...

«...ложите ваши... в ...учение...», – призывал плакат на соседнем кораблике.

Яна задумалась: *ложите* – это вложите, это ясно.

А вот – ...*учение*...

Мучение?

Обучение.

Обручение!!!

Да... А – что именно – вложить?

Всё вложить, всё что есть, вложиться полностью...

Да вложились уже, вся полностью.

И выложились – аж вывернулась наизнанку.

Что, ещё что-то нужно? Или может уже хватит надо мной издеваться. Господи.

Яна вышла на центральную аллею – главную дорогу в клубе.

Сквозная дорога, от шлагбаума через весь клуб, до самого берега моря...

Обычная грунтовка, две машины могут разъехаться. А три – уже нет.

От главной дороги перпендикулярно расходились такие же дороги, только поменьше – как маленькие улочки.

И куда ни посмотри – везде корабли, всевозможных размеров и конфигураций, укутанные тентами (новые яхты и мини-лайнеры) и укрытые старыми баннерами (все остальные).

И почти со всех завязок внизу тентов свисают двухлитровые пластиковые бутылки с водой: грузики, чтобы тент меньше задирался на ветру.

Уже давно совсем стемнело.

Появилась луна: она словно неслась по коричневому небу, то уворачиваясь, то неистово продираясь сквозь серую вату рваных облаков, и разве что локтями не расталкивалась.

В лунном свете открылась полная картина самого заброшенного берега в мире.

Сотни спящих кораблей, законсервированных на зиму и поднятых в конце осени клубным краном на берег, каждый на своё привычное место...

Кругом – прошлогодняя трава, торчащая тёмно-бурыми пучками среди жухлых листьев и обломанных сучьев, гниющие под дождями доски, пустые канистры и пластиковые бутылки, а вот старый железный шкаф, запёртый хозяином на амбарный замок – врос ножками в землю, и так и стоит под открытым небом, посреди полянки.

И – безмолвные корабли, безжизненные, бескровные – перед консервацией из них выкачали всю солянку, слили всю воду, чтобы жидкость, замерзая-оттаивая, не разорвала корпус.

И на каждый корабль – наброшен как попона – тент с завязками под брюхом, или старый баннер с полустёртыми надписями, а то и вовсе – полуистлевшие лохмотья, хлопающие на ветру по бокам своей клячи... то есть, лодки, гигантскими лоскутами, оторвавшимися за годы на прибрежном ветру...

Что вам снится зимой на берегу, корабли?..

На самом ужасном, мрачном, холодном, безжизненном, безлюдном и забытом Богом одиноком берегу?..

И Яна заплакала от жалости к себе.

У всех есть дом!..

Все – люди как люди, а она...

И всё-то у неё не Слава Богу...

Разглядывая сквозь слёзы странные корабельные попоны, Яна брела дальше.

Везде крупно написаны телефоны – и она фыркнула: телефоны-то – ещё из прошлого века, и номера начинаются на «1» – а уже давным-давно такого нет, так могут начинаться только номера МЧС, а вместо единицы в питерских номерах – семёрка.

А когда-то ленинградские номера были – пятизначные...

Сейчас такие, наверное, лишь в самых маленьких городках нашей большой страны, – подумала она, и почему-то с гордостью за всю страну.

Надо же: и в допотопные времена, оказывается, в этом клубе уже были корабли.
И сюда приходили люди – к своим кораблям...

Яна снова заинтересовалась надписями.

«Приходите к нам!» – призывал баннер на яхте чуть подальше.

Спасибо, пришли уже, – буркнула Яна.
И свернула на другую линию.

«А какое завтра выберешь ты?..»

Хм.

Яна хмыкнула и остановилась.
И задумалась.

Вверху луна всё неслась куда-то, в дикой спешке продираясь сквозь клочья туч.

Здесь надо мчаться изо всех сил, чтобы только оставаться на месте...
А если я не хочу здесь оставаться?! – мысленно возопила Яна.

Тогда смени направление. —
Негромко и очень спокойно прошелестела мысль в её голове.

Яна фыркнула.
Чудесно! И куда же мне пойти прикажете?!

Никто ничего тебе не приказывает.
Ты выбираешь сама. – Так же размеренно прозвучало в её голове. И, кстати, очень вежливо...

Взгляд снова упёрся в освещённый луной бок корабля, укрытый баннером.
«А какое завтра выберешь ты...»

Сменить направление...

А что, если... Если – пойти в обратную сторону!
И Яна сделала разворот на месте. И пошла в обратную сторону.

Снова стали видны их боны – в дальней от залива и закрытой от ветров лагуне.

Послышались голоса: на бон с берега сошли двое, ведя рядом свои велосипеды.

Яна заторопилась следом: ну, наконец-то!..

А то – ещё немножко – и её пришлось бы размораживать.

– Ты только что пришла? – сурово поинтересовалась Зоя.

– Нет, я уже давно, – радостно выпалила Яна, стараясь не клацать зубами.

– А чего на лодку не зашла? – угрюмо повернулись к ней оба.

– Так я, это... Ну, я подумала: чего я там без вас буду делать... Да я и свет не знаю как включается, ну, и вообще...

– Свет работает от аккумулятора, его надо жечь экономно, но в принципе, включать можно. И на лодке же теплее, попила бы чаю. Мы же тебе всё показали, – хмуро и приказным тоном пожурили её оба.

– Да-да, спасибо, – смущённо улыбалась Яна обветренными губами.

Она была так рада их увидеть! И – что на лодку уже можно зайти, наконец...

Но – ей совсем не нравилось, что они её отчитывают.

Но вот Петя уже справился со шнуровкой тента, сошёл вниз, включил свет.

Затархтела печка.

– Что ты всё время трясёшься, – раздражённо покосилась на неё Зоя исподлобья.

Но тут же добавила тоном помягче: – Сейчас нагреется. Давай, раздевайся, если хочешь.

Ужинать будем.

Включила газ и поставила чайник.

Яна поскорее выложила на край стола покупки – сыр, печенье, йогурты, чай.

Несколько раз украдкой зевнула, пока Петя с Зоей не видели.

И чувствовала, что отогревается...

– Завтра нам вставать рано, ты как хочешь, а мы спать ложимся, – известили её хозяева лодки.

– Ну, так и я тоже, – тут же с готовностью согласилась гостья.

И вытащила из диванчика свой чей-то спальник в цветочек.

Прежде чем заснуть, подумала: вот, надо же, значит, правильная мысль была – пойти в обратную сторону...

И в голове пронеслось, отчётливое и очень доброе: – Дело, конечно, не в этом...

– Так это было совпадение? – мысленно спросила Яна саму себя.

– Это был урок, простой, но эффективный, – проплыла в мозгу мысль, мудрая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.